

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Елена Самойлова

Санкт-Петербург, Фольклорно-этнографический центр им. А.М. Мехнецова

Санкт-Петербургской государственной консерватории

Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.

Local Markers of Time in the Traditional Culture of Pomors
in the 19-21st Centuries

Abstract: Despite the technologization of modern life processes, the system of national calendar continues to be relevant for the population living in rural regions of Russia. The study of folk conception of time does not only contribute to the knowledge broadening but also helps us to change the old ideas about the cultural traditions of the studied group. This has become possible thanks to the data analysis of the field materials collected on the Karelian and Pomor coast of the White Sea in 2006–2011.

The features of time perception have been traced through the analysis of daily and ritual practices, occasional ceremonies and holidays of the folk calendar. The focus of the research has been on the following reference point: the local markers of time used by the population. Informants' interpretations and the author's observation allowed to mark out the Trade calendar events and other important factors included in the studied group's measurement system of time.

The seasonal fishing duration in the Barents Sea's water area has made its changes in the Pomor calendar structure: women have been forced to solve all of the household, as well as social and economic problems for 7–8 months in a year independently. The gender roles' inversions and the specifics of the "life supporting system" facilitated the development of the local time markers. The subject and gender projections of labor and ritual practices of the trade period have been added to them for the same reason.

Keywords: time, calendar, traditional culture, Pomors, gender

Множество темпоральных логик, отражающих специфику восприятия времени в сложных сборках современных социумов, позволяет говорить о полифонии времени, в которой раскрывается динамика взаимодействия

существующих измерений. В зависимости от поисковой фокусировки и рассматриваемых параметров выделяют историческое (линейное) и мифологическое (циклическое), сакральное и профанное, жизненное, календарное (годовое) время, коррелирующее с основными темпоральными модусами (настоящим, прошлым, будущим). Особый интерес для антрополога представляют модели временных измерений.

При обозначении времени описываемых событий население сельских регионов Русского Севера крайне редко обращается к стандартным метрическим единицам (The SI Brochure). Нередко для выражения времени используются категории пространства, состояния, действия. Так, время, которое вам придется потратить, чтобы добраться до соседней деревни (*дорожное время*), местные жители нередко соотносят с объектами природного ландшафта – два поля и горку пройти, на гору подняться, под гору спуститься, т. е. измерительной шкалой служит категория пространства (знакомые пространственные ориентиры – поле, гора). *Суточное время* может делиться на два световых периода и выходить за рамки двенадцатичасового формата – темный (от заката до рассвета) и светлый (от рассвета до заката – день), т. е. в зимнее время года ночь может длиться более двенадцати часов, а в летнее – день. Детство и молодость (*жизненное время*) могут рассматриваться в динамике социального и физического взросления – роста: *когда маленькие были, когда подросли, когда выросли, когда мы стали большие*¹ [ПМА² 7664].

В системе народного времяисчисления распространена модель, базирующаяся на построении ассоциативных связей между событиями, которые происходили примерно в то же время и оставили след в памяти человека/группы. События, связанные с политической, социально-экономической, культурной сферой (в т. ч. кризисные ситуации, ритуалы календарного и жизненного цикла) как и другие важные факторы, с которыми связывается определенный период времени могут рассматриваться в качестве *маркеров времени*. События-маркеры, имеющие значимость в границах локальной группы, приобретают значение *локальных маркеров времени*.

В этой статье внимание будет сфокусировано на локальных маркерах времени, связанных с особенностями системы жизнеобеспечения и культурных традиций населения, проживающего на прибрежной территории Бело-

¹ В данном случае для отражения динамики информант использует стилистический прием восходящей градации.

² ПМА – полевые материалы автора (аудио, видео) хранятся в архиве Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории. Поскольку при работе над статьей использовались материалы из основного аудиондонта, в работе будет указываться только фондовый номер записи.

го моря (Карельский и Поморский берег). Основой для анализа послужили полевые материалы автора, собранные на Карельском и Поморском берегах Белого моря в 2006-2011 гг., а также публикации российских исследователей XX-XXI вв.

Перемещение земледельческих групп восточных славян к побережью Белого моря было связано с адаптацией к новым климатическим и природным условиям, что повлекло изменения в системе жизнеобеспечения и культуре. Петербургский исследователь Т.А. Бернштам в числе факторов, обусловивших специфику поморского календаря, отмечала „гибкость и органичность формирования отдельных звеньев системы, способной эволюционировать при любых изменениях природных, этнических и историко-культурных условий”³. Суровый климат и близость северного моря внесли существенные коррективы в систему жизнеобеспечения поморов, включавшую морской промысел, скотоводство, охоту, земледельческие практики⁴, производство ткани, судостроение и деревообрабатывающие ремесла.

Специфика регламентации повседневных и ритуальных практик

Ритм моря, живущего *по лунному календарю*, оказывал влияние на организацию хозяйственных и культурных практик. Жители прибрежной зоны и селений, расположенных на берегах рек, впадающих в море, учитывали график морских приливов и отливов⁵. Каменистое речное дно позволяло выйти в море „по большой воде”, когда уровень воды достигал своего максимума. На „малой воде” дно обнажалось. В это время вели заготовку водорослей и трав, использовавшихся в животноводстве. Периоды отливов/приливов учитывались при заборах речной воды (пресной/морской). Лунное время служило ориентиром при лове рыбы, например, за сигом и навагой ходили „за два дня до полнолуния” [7441] и в народной медицине: „все, которые

³ Т.А. Бернштам, *Народная культура Поморья*, Москва 2009, с. 159, 179.

⁴ Биологи отмечают, что для этих территорий характерен северотаежный скальный среднезаболоченный ландшафт с малоплодородным почвенным покровом. См. О.Н. Бахмет, *Особенности почв скальных ландшафтов Карельского побережья Белого моря*, „Ученые записки Петрозаводского государственного университета” 2013, № 6. В таких условиях огородные (репа, брюква, картофель, лук) и зерновые культуры (рожь, овес, конопля) давали скудный урожай.

⁵ Цикл приливно-отливных колебаний составляет 12 час 20 мин, т.е. за лунные сутки (24 ч. 48 мин) проходит смена двух циклов.

наговоры от болезни, все читаются на убыльной луне [...] обязательно в бане” [251–A004].

Поморский календарь к. XIX–XX вв., так же как и у всех славян, выстраивался *по солнечному времени*, и был ориентирован на смену сезонов, время солнцеворотов и равноденствий⁶. Он включал черты, свойственные для севернорусского, русского и европейского земледельческого календаря⁷, и те, что возникли в условиях новой ландшафтной системы⁸. Так, в поморском календаре ритуалы весенне-летнего цикла представлены „в обедненном, выхолощенном виде”⁹ и нередко смысл праздника сводится к регламентации хозяйственных практик¹⁰, тогда как ритуалы зимнего периода (Святки, Масленица) сохраняют развернутую структуру.

Специфика поморского календаря прослеживалась и в регламентации промысловых практик, которые велись круглогодично без длительных сезонных перерывов, характерных для земледелия. Поскольку зимний лов сменялся весенним, весенний – летним, затем начинался осенний, возникают определенные трудности с определением начала трудового года. Считать ли началом – вслед за Т. Бернштам, осень (время завершения наиболее значимого для экономики населения Карельского и Поморского берегов трескового промысла и возвращения рыбаков из акватории Баренцева моря) или же начинать отсчет с весны – начала промысла (уход рыбаков приходился на март)? Ответ на этот вопрос остается открытым и требует проведения дополнительных исследований.

Особенности регламентации промысловых практик Карельского и Поморского берегов важны для изучения экономики региона и социокультурной сферы. В традиции поморов закрепился счет времени относительно

⁶ *Круглый год: Русский земледельческий календарь*, сост. А.Ф. Некрылова, Москва 1991, с. 6.

⁷ К общим календарным праздникам можно отнести Пасху, Рождество, Троицу, дни св. Николы, св. Ильи, Петра. См. указ. соч. Т.А. Бернштам, Ю.Н. Ковыршиной, Е.В. Самойловой.

⁸ Т.А. Бернштам, *Народная культура...*, с. 179.

⁹ Там же, с. 159.

¹⁰ Например, празднование Иванова дня (7 VII) у поморов сводилось к небольшому гулянию, которое устраивали после заготовки можжевельника (вереса): „в Иванов-день [...] ломали верес и ходили в лес на поляны, на этих полянах плясали” [251–A005], тогда как в традициях южнорусской группы восточных славян в этот день повсеместно устраивались пышные ритуальные церемонии, сопровождавшиеся исполнением купальских песен, разжиганием костров, изготовлением обрядовых кукол, состязаниями и пр. Ю.Н. Ковыршина отмечает период от Иванова до Петрова дня (7–12 VII) как время заготовки березовых веников и травяных сборов, использовавшихся для приготовления чая и лечебных отваров. См. Ю.Н. Ковыршина, *Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря*, [в:] *Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий*, под ред. И.Ю. Винокурова, Петрозаводск 2010, с. 195–196.

событий, связанных с рыболовецким промыслом, занимавшим ключевые позиции в системе жизнеобеспечения поморов: (время), „когда идут с моря”, „когда мужики с рыбалки вернулись”, „когда поехали в море”, „в море, когда приходят” [7677, 251–F003, 251–A004] и др.

Уход мужского населения¹¹ „на Мурман” (в Баренцево море) приходился на начало марта, возвращались осенью, в сентябре-ноябре. Занятия промысловым ловом рыбы послужили импульсом к возникновению *промысловых ритуалов* с использованием элементов характерных для традиции восточных славян (моления, обеты, застолья, прощания и плачи, обходы дворов, магические действия и др.)¹². Как и у земледельцев, ритуализация была связана с началом и завершением трудового периода (маркировались первый/последний дни, проводы/встреча), и кризисными ситуациями.

Ритуализация промыслового календаря

На протяжении промыслового периода могли совершаться *женские моления у обетных крестов*. Поводом служило предчувствие беды: плохие вести с моря или же предсказания (гадания, толкования снов и др. знаки, считавшиеся предвестниками несчастья). В отличие от коллективных молений часовен и обетных крестов, обычно предшествовавших проводам промысловиков, молиться в кризисных ситуациях старались втайне. Нередко прошения скреплялись обетами и оставлением у крестов заветных приношений – полотенец и *пелен* с вышитыми или нашитыми крестами.

Проводы. Перед уходом промысловиков устраивали *отвальную, проводы, простины*¹³: устраивали застолья, молились, посещали святые места (церкви, часовни, обетные кресты, могилы): „Засобирающе в море и молятся. Значит завра едут. [...] Стою в дверях. Сейчас кончат молиться и будут реветь [...] прощаться и плакать [...] может, и причитать” [251–A004].

Дуванна. Раздел рыбы включался в число значимых событий и сопровождался небольшим застольем (по случаю): „привезут рыбу, разделят – это

¹¹ Уходили за исключением немощных и больных. Старики, если такие имелись в деревне, предпочитали уйти со всеми. Бесценный опыт и знания высоко ценились в среде промысловиков. См. А.Г. Слезкинский, *Поездка на Мурман: Путевые заметки*, „Исторический Вестник”, Санкт-Петербург 1898, т. 71, № 3.

¹² Т.А. Бернштам, *Народная культура...*, с. 176-177; ПМА, 2008-2011 гг.

¹³ Термин использует Т.А. Бернштам, в собранных мной полевых материалах не встречался, возможно, был зафиксирован на др. берегах Белого моря, т. к. исследовательница не ограничивается территорией Карельского, Поморского берегов.

называлось, давайте рыбу роздуванием [...] рыбу разделили – это *дуванна*. Выпьют” [251–А004].

Привальна. По возвращению с промысла отмечали *привальну*, *стретини* – устраивали пиршества, угощали ребятишек, разносивших весть о возвращении рыбаков, одаривали рыбой одиноких стариков.

Обзор ключевых событий промыслового периода, послуживших импульсом к ритуализации, позволяет провести параллель с обрядами ухода, встречи в контексте межпространственных перемещений – дом – дорога – дом, рассматриваемых Т.Б. Щепанской¹⁴. Стабильность сезонных перемещений на временной шкале поморского календаря сближает жизненный уклад промысловиков к. XIX и вплоть до второй половины XX вв. и народов, ведущих *полукочевой и полуседлый*¹⁵ образ жизни. Фокусировка на локальных маркерах времени дает возможность дополнить сведения о культуре кочевых народов, в т. ч. внести эти данные в энциклопедии и др. справочные издания. Таким образом, расширяются представления о севернорусской группе восточных славян, среди которых выделяется *подгруппа морских кочевников*, ведущих полуседлый образ жизни.

Обратим внимание на линии пересечения времени ритуальных практик поморского календаря. В архивных материалах, с которыми работала Т.А. Бернштам, есть сведения о посещениях кладбищ, каждении на могилах родных „в надежде на их помощь в предстоящем промысле”¹⁶. В с. Шуерецком и Нюхче, путь промысловиков, уходивших проходил мимо кладбища и святых мест (Святая гора, часовни, обетные кресты). Сопоставление времени ухода на промысел с датами церковного календаря (Пасхалия, 1800–1900 гг.) позволяет отметить, что время ухода на промысел (начало марта) коррелирует с временем сыропустной недели, как правило, приходившейся на конец февраля или начало марта. На рассматриваемой территории эта неделя считалась поминальной: пекли *поминальники* – пироги, молились об умерших [251–А005], т. е. время коллективных поминок предшествовало или совпадало со временем отъезда промысловиков.

Совпадение временных границ годовых поминок на масленой неделе и проводов промысловиков, позволяет понять принцип включения промы-

¹⁴ Т.Б. Щепанская, *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.*, Москва 2003.

¹⁵ Поморы, проживавшие на Карельском и Поморском берегах, как и полукочевники часть времени проводили оседло (осенне-зимний период). Им был присущ полуседлый способ жизни, поскольку кочевала лишь часть населения (мужская группа), другая же жила оседло.

¹⁶ Т.А. Бернштам, *Народная культура...*, с. 177.

слового ритуала в круг календарных праздников, основанный на мифологических представлениях о взаимосвязи миров – мира живых и мира умерших. Население связывает эти события, на ритуальном уровне подтверждая, что уход на промысел не возможен без длительных поминок тех, на чью помощь и покровительство рассчитывали промысловики.

Особые даты поморского календаря

Среди христианских святых, которых молили о помощи и удаче в море, св. Николой (19 XII, 22 V), св. Климент Римский (8 XII), св. ап. Петра и Павла (12 VII). Дни празднований включались в промысловый календарь. Количество часовен, церквей, икон, обетных крестов, посвященных Св. Николаю, позволяют отнести его к наиболее почитаемым в этих местах покровителям: „как хранитель, Николай Чудотворец, всех моряков сохранитель, и наших тоже” [251–A005]. Св. Клименту Римскому молились о спасении в море, памятуя события из жития (чудесное спасение во время шторма и мученическая кончина в море). Евангельские сюжеты о чудесном лове рыбы¹⁷ как и „специализация” святого (прошлое св. Петра, рыбачившего на Галилейском море), послужили предпосылкой для почитания св. ап. Петра и Павла. К ним обращались в надежде на удачу в рыболовецком промысле. В Петров день, чтобы в доме не переводилась рыба, хозяйки варили уху и приглашали святых отведать угощение: „Пётр и Павел, верховный апостол, иди уху хлебать!” [7434].

Все вышеперечисленные сведения о праздниках и ритуалах промыслового календаря указывают на связь с прибрежной территорией. Обрывочные сведения об организации жизни и быта промысловой зоны не позволяют выйти за рамки предположений о существовании ритуализованных практик, маркирующих время прибытия в зону промысла, первого лова, обетных приношений и пр. И перспектива поисков туманна, поскольку встретить рыбаков, ходивших „на Мурман” до 50-70-х гг. XX в., нет (мужской век

¹⁷ По повелению Христа Петр забрасывает сеть, и „яша мно́жество ры́бъ мно́го: протерза́шеся же мре́жа ихъ” (Лк. 5:8); „Влѣзъ [же] Сѣмонъ пѣтръ, извлече мре́жу на землю, полную великихъ ры́бъ сто [и] пятьдесятъ [и] три: и толико сущымъ, не проторжеся мре́жа” (Ин. 21:11); „И пріе́мъ пять хлѣбъ и двѣ ры́бъ, возрѣвъ на небо, благослови и преломи хлѣбы, и дающе ученикомъ своимъ, да предлагають предъ ними: и о́бъ ры́бъ раздѣли всѣмъ” (Мк. 6:41).

короток, редко кто из промысловиков доживал до 50 лет). В семейных архивах могут храниться дневники рыбаков, но такие находки в редкость.

Поиск локальных маркеров времени в рассматриваемой традиции позволил обратить внимание на *гендерные и предметные проекции* повседневных и ритуальных практик, связанных с определенным периодом времени.

Гендерные проекции времени. Как отмечалось выше, мужское население, проживавшее на Карельском и Поморском берегах Белого моря, покидало селения на длительное время. Вместе с ними уходили и достигшие семи-восьмилетнего возраста мальчики. Их брали в помощники – *зуйки*. В этот период большинство населения составляли женщины и дети. Специфика гендерной организации помогает понять причины „выхолощенности” обрядов весенне-летнего цикла: поморкам приходилось трудиться за себя „и за того парня”, поскольку вся система хозяйствования находилась под их контролем¹⁸. Они же становились участницами ритуальных практик, совершаемых в дни календарных праздников¹⁹ и по случаю (кризисные ситуации, ритуалы жизненного цикла).

Предметные проекции времени. По представлениям восточных славян в дни календарных праздников и окказиональных ритуалов предметы могли наделяться магическими свойствами. Приобретенные свойства сохранялись в предмете „в свернутом” виде (стратегия свертывания, позволявшая преодолевать барьеры времени) и приводились в действие в момент актуализации²⁰. Такими свойствами могли обладать веточки вербы, освященные в Вербное воскресенье, соль, освященная в Великий четверг, пасхальные яйца и др., что позволяло использовать их в качестве оберега или в медицинских целях²¹.

Отмечу те предметы, которые могут рассматриваться в качестве локальных маркеров рассматриваемой традиции.

В красном углу у креста хранили дорожные булочки, испеченные в Великий четверг. Их брали на промысел в уверенности, что будут защищены „от болезни, от бури, от скорби” [251–А005]. Можжевеловые ветки появлялись

¹⁸ В числе повседневных практик: земледелие (огородничество, полеводство), молочное скотоводство (в т. ч. заготовка кормов), производство ткани, оленеводство, собирательство, лов рыбы в реке и на стриге, заготовка водорослей, заготовка дров, уход за детьми и стариками, приготовление пищи.

¹⁹ На это время выпадали праздники трех постовых периодов (Великий, Петровский, Успенский), Пасха, Вознесение, Никола вешний, Троицкая неделя (поминки), период между посадкой и сенокосом (моления в св. местах), Ильин день, Петров день, Зосимы и Савватия Соловецких, Казанская и др.

²⁰ Т.Б. Щепанская, *Культура дороги...*, с. 118, 229–230.

²¹ Е.Е. Левкиевская, *Славянский оберег. Семантика и структура*, Москва 2002, с. 152–156.

на воротах поморского дома в день ухода хозяина „на Мурман”. Ветви маркировали дома промысловиков весь период отсутствия: „они долго сохнут [...] через год их потом выкинешь, когда он осенью уже поздно приходит” [251–А003].

К ним же можно отнести обетные кресты, которые в поморской культуре связаны с морским промыслом. К крестам приносили заветы и ходили молиться „при опасности, душа-то все болит: уж, чувствуется какая-то беда или что” [251–А005]. В *Крестах* – неподалеку от с. Шуерецкого стоит крест с женскими тканевыми приношениями, оставляемыми в день отправки родственника в море: „Это, когда уходили рыбаки в море. Повешают, чтоб пришли с удачей, и чтоб вернулись” [8037].

Таким образом, кресты и можжевельные ветви становились свидетелями времени, связанного с рыболовецким промыслом и включались в систему темпоральных ориентиров, используемых жителями юго-западного побережья Белого моря.

Библиография

- Бахмет О.Н., *Особенности почв скальных ландшафтов Карельского побережья Белого моря*, „Ученые записки Петрозаводского государственного университета” 2013, № 6.
- Бернштам Т.А., *Народная культура Поморья*, Москва 2009.
- Ковыршина Ю.Н., *Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря*, [в:] *Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий*, под ред. И.Ю. Винокурова, Петрозаводск 2010.
- Круглый год: Русский земледельческий календарь*, сост. А.Ф. Некрылова, Москва 1991.
- Левкиевская Е.Е., *Славянский оберег. Семантика и структура*, Москва 2002.
- Самойлова Е.В., *Практики „дарообмена” в ритуальной культуре поморской деревни нач. XX – нач. XXI вв.*, [в:] *Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*, ред. Т.Г. Иванова и др., Петрозаводск 2011.
- Слезкинский А.Г., *Поездка на Мурман: Путевые заметки*, „Исторический Вестник” 1898, т. 71, № 3.
- Щепанская Т.Б., *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.*, Москва 2003.

Информация об Авторе

Елена Валерьевна Самойлова (Elena W. Samojłowa) – научный сотрудник Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории.

e-mail: etnograd@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1424-1908>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

